

Аркадий Аверченко

Подходцев и двое других

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А19

А19 **Аверченко А.**
Подходцев и двое других / Аркадий Аверченко – М.: Книга по Требованию,
2012. – 96 с.

ISBN 978-5-4241-2830-1

Юмористическая повесть «Подходцев и двое других» полна юмора, выдумки, но и грусти, некоторой ностальгии по ушедшей молодости, веселой и бесшабашной богемной жизни.

ISBN 978-5-4241-2830-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Аркадий Аверченко
Подходцев и двое других

Введение

Если бы на поверхности земного шара оставались следы ото всех бродящих по земле человек — какой бы гигантский запутанный клубок получился! Сколько миллиардов линий скрестились бы, и сколько разгадок разных историй нашел бы опытный следопыт в скрещении одного пути с другим и в отклонении одного пути от другого...

Бог с высоты видит все это, и если бы его Божественное Внимание могло быть занято только такой неприхотливой пищей — сколько бы занимательных, трагических и комических историй представилось Всевидящему Оку.

Мы все жалки и мелки перед лицом Бога... Ни одному из нас не удалось проникнуть в лабиринт запутанных путей человеческих, никто даже сотой части клубка не распутал; и только автору этих строк удалось проследить пути одной человеческой троицы, которая причудливо сошлась разными путями к одной и той же точке.

Сошлась, чтобы надолго не разойтись.

Вот их пути...

Часть I

Глава 1

Подходцев

Молодой широкоплечий блондин, с открытым веселым лицом и энергичными движениями, вышел из дома № 7 по Новопроложенному переулку и, усевшись на извозчика, сказал:

— Вези меня на Дворянскую 5, да только, братец, поскорее.

Извозчик чмокнул губами, и лошадь затрусила.

— Ты не особенно хорошо едешь, извозчик, — иронически заметил седок.

— Еду себе и еду, — холодно возразил извозчик.

— Скажу тебе больше: ты едешь просто плохо.

— Н-о-о-о, ты, проклятая!

— Должен тебя огорчить извозчик, но ты едешь гнусно, отвратительно.

— Овес нынче дорог, барин.

— Не вижу никакой логической связи между ценой на овес и скоростью движения лошади.

— Чаво?

— Тово. Это все равно, как если бы я, доехавши до места назначения, отказался от уплаты причитающихся тебе денег под тем предлогом, что нынче калоши вздорожали на сто процентов.

— Лошадь не бежит, — угрюмым тоном промолвил извозчик.

— Тогда она не лошадь, — учтиво возразил седок.

— А что ж она?

— Не знаю. Я думаю, что тебе нужно было бы быть осмотрительнее при покупке лошади. Ты ее когда купил?

— О позапрошлом годе.

— Покупая, ты требовал именно лошадь или тебе сорт имеющего быть всунутым в оглобли животного был безразличен?

— Чаво?

— Может быть, тебе по твоей неопытности подсунули вместо лошади крокодила?

Извозчик обиделся.

— Почему это? — надменно спросил он.

— Очень просто: что такое лошадь? Это — животное, которое бежит. Твое животное не бежит. Значит, оно — не лошадь.

— Четыре ноги имеет, — усмехнулся извозчик, — значит и лошадь.

— Стул тоже имеет четыре ноги, а, однако, не бежит.

— У ей голова есть, а у стула нету, — возразил извозчик, очевидно, серьезно заинтересованный этим принципиальным спором.

— Подумаешь, важность — голова. Вон и у тебя голова есть, а что толку?

На это извозчик ничего не нашелся ответить.

— Вон видишь, все нас перегоняют.

— Что ж, и мы кой-кого перегоним, — хвастливо усмехнулся извозчик и действительно перегнал лошадь, запряженную в шегольский экипаж и мирно

дремавшую у чьего-то подъезда.

Голову седока осенила какая-то мысль. Он лукаво улыбнулся и предложил:

— Хочешь, сделаем так: за каждую лошадь, которую ты перегонишь, я плачу тебе пятак. За каждую лошадь, которая перегонит тебя, я вычитаю с тебя пятак.

Это странное предложение произвело на извозчика ошеломляющее действие. Он в один момент вышел из состояния полудремоты, дико захохотал, привстал на козлах и, хлестнув по лошади, закричал:

— Идет! Считай, барин.

— Стой, стой! Только, брат, уговор: стоячие и противоположно едущие не считаются.

— Само собой! Будьте покойны. Эх, ты, милая-а-ая!..

Лошадь понеслась как стрела, а седок, откинувшись с довольным видом на спинку экипажа, принялся отсчитывать пятаки.

— Пять! Десять! Пятнадцать! Двадцать пять! Пять долой — нас экипаж один обогнал.

— Так то ж рысак!

— Это деталь! Опять двадцать пять, тридцать! Сорок...

Хитрый извозчик в один момент постиг своим светлым мужицким умом не только принципы этой азартной игры, но и ее выгоды. Поэтому он при первом удобном случае свернул с малолюдной улицы на проспект, где экипажей было в десять раз больше, и, не обращая внимания на сделанный крюк, развил такую скорость, что седок еле успевал считать:

— Рубль тридцать! Еще пять! Рубль сорок. Рубль сорок пять!

— Нет, рубль пятьдесят, — заспорил извозчик. — Сейчас обогнал пару.

— Да ведь она в одной запряжке, пара.

— Это все едино! Уговаривались за лошадь пятак, а тут на-кося двух обогнали!

— Однако и фрукт, брат, ты! Значит, за тройку ты сдерешь пятиалтынный?

— Само собой, три лошади, три пятака. Н-но!!

— Да не гони ты так, черт. Ты меня разорить можешь!

— Мой антирес! — весело заорал извозчик. — Н-но!!

— Извозчик...

— Ась?

— Имей в виду, если кого-нибудь раздавишь — по рублю с человека буду вычитывать.

— Ладно, будьте покойны. А если не раздавлю — вы мне рупь.

— Еще что выдумал! Этаким образом ты с меня и тысячу выколотишь.

— Хи-хи! Н-н-но!!

— Смотри, дурак, чуть на женщину не наехал.

— На женщину я никак не могу наехать, — солидно возразил извозчик и сейчас же подтвердил эти слова самым положительным образом: наехал на мужчину.

Раздались крики, оханья, кто-то смачно выругался, кто-то поднимал с земли испачканного в пыли и в прахе небольшого роста господина, отплеывавшегося розовой кровавой слюной.

— Черти! — орал доброволец из публики. — Прут на народ. Рази так ездют? Надо хорошо ездить, а не плохо ездить надо.

— Дать бы извозчику по морде, — посоветовал дворник.

Недовольный такой перспективой, извозчик подобрал в руки вожжи, с явным намерением ускакать от всей этой катавасии, но седок угадал это намерение, опустил могучую руку на его плечо и сказал спокойно, но твердо:

— Нет, брат, стой. Уезжать нельзя. Умели воровать, надо уметь и ответ держать! Может быть, его в больницу нужно свезти — как же мы уедем?..

Он легким юношеским прыжком соскочил с экипажа и подошел к пострадавшему, которого поддерживал под руку инициатор награждения извозчика оплеухой.

Глава 2

Громов

Пострадавший поднял на подошедшего ясные кроткие голубые глаза и сказал:

— С какой это радости вы так рассказали?

— Простите. Моя фамилия Подходцев, и я готов вам дать всяческое удовлетворение. Конечно, вы не виноваты: переходили себе спокойно улицу, а в это время мой дурак и налетел на вас безо всякого предупреждения. Я могу так и на суде показать.

— А вы думаете, должен быть суд? — с легким беспокойством спросил пострадавший, еще раз отплюнувшись кровавой слюной.

— Это от вас зависит.

К месту происшествия спокойно, с развальцем, подходил околоточный.

— В чем дело, господа? Прошу разойтись.

— Мне бы очень хотелось разойтись, но едва ли это удастся, — проворчал Подходцев. — Мой возница, благодаря моим же подстрекательствам, ехал быстрее, чем нужно, и наехал на этого господина, который, ничего не подозревая, переходил улицу.

— Этот господин говорит неправду, — возразил пострадавший, счищая пыль с локтей. — Они ехали, как следует, а я сам виноват: мне захотелось покончить жизнь самоубийством, я и бросился под лошадь.

Околоточный немного растерялся от такого оборота дела.

— Как же вы это так, — укоризненно сказал он. — Разве можно так?

— Что?

— Да кончать жизнь самоубийством?..

— А что в ней хорошего, господин околоточный? Так, чепуха какая-то, а не жизнь. И вообще, ответьте мне на вопрос: к чему жизнь наша? Куда мы стремимся? В чем идеал?

— Вы не имеете права задавать таких вопросов при исполнении служебных обязанностей! — запальчиво сказал околоточный.

— Ну, вот видите! Если даже полиция не может ответить, в чем смысл жизни, то кто же может?

Околоточный пожал плечами, вынул книжку и сухо спросил:

— Вы имеете к седоку и извозчику какую-нибудь претензию?

— Никакой буквально.

— А вы? — обратился околоточный к Подходцеву.

— Я? К этому господину? Претензию? Да я его считаю самым очаровательным существом в мире!

— В таком случае, в чем же дело?!

— Ни в чем.

— Так расходитесь! Зачем скопляться?!

Околоточный сердито откашлялся и ушел, а Подходцев протянул пострадавшему руку и спросил с легким смущением:

— Не могу ли я быть чем-нибудь вам полезен?

— Шить умеете? — улыбнулся одними голубыми глазами пострадавший.

— Не умею.

— Значит, не можете быть полезны. У меня порядочная дыра на локте.

— У такого порядочного человека даже дыра на локте должна быть порядочная, — сказал Подходцев, но, считая этот комплимент недостаточной компенсацией за все, что произошло, добавил:

— Может быть, вам трудно идти — тогда я уступлю вам своего извозчика.

— Не могу ехать.

— Почему? Вам трудно сидеть?

— Да, трудно, когда не знаешь, чем заплатить извозчику.

Это было сказано с такой благородной простотой, что Подходцев почувствовал еще большую симпатию к молодому человеку.

— Как ваша фамилия? — осведомился он.

— Моя фамилия — Громов. А вашу я слышал: Подходцев.

Снова оба пожали друг другу руки, продолжая оживленную беседу на краю панели, возле извозчика, совсем погасшего после того, как его увлечение спортом было приостановлено столь резко и неожиданно.

— В таком случае разрешите мне отвезти вас домой.

— К кому домой? — подмигнул Громов.

— К вам, конечно.

— А вы знаете адрес?

— Чей?

— Мой.

— Я думаю, вы его знаете.

Громов усмехнулся.

— Даже под пыткой я не назову его. Первое: я только вчера вечером приехал в этот город. Второе: у меня нет денег для квартиры. Третье: я, пожалуй, сам виноват в том, что попал под вашу лошадь, — не спавший всю ночь и рассеянный.

— Хотите поехать ко мне? Мы вдвоем что-нибудь сочиним.

— Мне неудобно. Будто вы обязаны сделать для меня что-нибудь только потому, что ваш возница на меня наехал...

Подходцев протянул могучие руки, взял своего нового знакомого под мышки, усадил на извозчика и сказал:

— Пошел! Обрато на Новопроложенный.

Извозчик оживился.

— С пятаками?

— Ну тебя к дьяволу! Поезжай просто.

Извозчик снова погас, на этот раз уже окончательно и бесповоротно. Не загорелся он и тогда, когда они доехали и Подходцев, вынимая деньги, сказал:

— По таксе, плюс тридцать восемь перегнанных лошадей, с меня следует два рубля тридцать. Минус рубль за раздавленного, по уговору — остается рубль

тридцать. Получай и постарайся переменить свое загадочное животное на обыкновенную человеческую лошадь.

Громов, с удивлением слушавший странные математические вычисления, при последних словах засмеялся, и таким образом эти два человека со смехом вошли в дом и со смехом стали оба жить в нем.

Глава 3

Дома

Квартира Подходцева состояла из двух комнат — одной огромной и одной микроскопической — похожая на большую жирафу, увенчанную маленькой головкой.

Обстановка была скудная, и Подходцев, обеда широкоим жестом комнату, поспешил объяснить гостю:

— То, что маленькое на четырех ножках, — ходит у меня под именем стульев. Большое, уже выросшее и сделавшее себе карьеру — называется у меня «стол». Впрочем, так как я иногда на столе сижу, а на стуле, лежа в кровати, обедаю, то я совершенно сбил с толку этих животных, и они ходят у меня под всякую упряжь.

— А почему у вас две кровати? — осведомился гость.

— Эта комната так велика, что мне иногда, когда я бываю по делам в южной ее стороне, трудно достигнуть северной стороны, в особенности, если хочется спать. Поэтому я поставил на каждой стороне по кровати. А в общем — черт его знает, зачем я поставил две кровати.

Хозяин опустился на одну из кроватей и погрузился в задумчивость.

— Действительно, зачем я поставил другую кровать? Недоумеваю. Вы есть хотите?

— То есть как?

— Да так: рыбу, мясо, хлеб. Вино вот тоже некоторые пьют.

— Да я, собственно, уже пообедал, — промямлил гость.

Но тут же врожденная искренность и простота его характера взяли перевес над требованиями хорошего тона. Он рассмеялся и сам перебил себя:

— С чего это мне вздумалось соврать? Ничего я не обедал и за котлету отдал бы столько собственного мяса, сколько она будет весить.

— Странные мы народы: я зачем-то поставил лишнюю кровать, вы корчите из себя великосветского денди, щелкая в то же время зубами от голода.

— Да, если откровенно сказать, то мне... действительно... неловко.

— А мне, думаете, ловко? Чуть не размазал по мостовой хорошего человека. Положим, и извозчик идиот порядочный.

— Послушайте, Подходцев... Скажите откровенно, что заставило вас не ударить от меня на своем извозчике, а остаться и расхлебывать всю эту историю до конца?

— Хотите, я вас удивлю?

— Ну?

— Я просто порядочный человек. А теперь скажите и вы: почему вам пришло в голову обелить нас с извозчиком, вместо того чтобы предать обоих в руки сборов?

— Хотите, теперь я вас удивлю?

— Вы тоже порядочный человек?

— Нет! Я просто хитрый человек. Я просто поступаю по рецепту одного умного художника. Однажды к нему пришел судебный пристав описывать за долги его имущество. И что же! Вместо того чтобы отнестись к этому неприятному гостю с омерзением, повернуться к нему спиной, мой художник принял его по-братски, угостил завтраком, откупорил бутылочку вина и так сдружился с этим тигром в образе человека, что тот ему сделал всяческие послабления: что-то рассрочил, чего-то не тронул, о чем-то предупредил. По-моему, этот художник был не добрый, а хитрый человек.

— Мне ваш художник нравится. Действительно, если бы вы ввергли нас с извозчиком в темницу — все бы на этом проиграли, а вы ничего не выиграли. Тогда как теперь...

— Тогда как теперь я заключил такое, хи-хи, милое знакомство...

— Ах, как можно говорить такие вещи молодым девушкам, — смутился Подходцев.

И, чтобы скрыть свое смущение, засуетился: вынул из шкапика коробку сардин, блюдо с холодными котлетами, сыр, хлеб и бутылку красного вина; быстро и ловко постлал скатерть и разложил приборы.

Гость сверкающими глазами следил за всем, что появлялось на столе. В ответ на пригластительный жест хозяина пододвинул к столу стул и сказал:

— Завтра же опять пойду на ту самую улицу...

— Зачем?

— Может быть, опять какое-нибудь животное наедет. Если всякая такая катастрофа несет за собой пир Валтасара...

— О, — засмеялся Подходцев, — мы постараемся найти для вас другую профессию, менее головоломную...

Громов поддел на вилку сардинку, понес ее ко рту и вдруг на полдороге застыл, выпучив глаза...

— Что с вами?..

— Ах я, идиотина!

— А, знаете, ей-Богу, не заметно!

— Ах, бревно я! Ведь вы очень спешили, когда на меня наехали?

— Очень. Я, видите ли, обещал извозчику по пятаку за каждую лошадь, которую мы обго...

— В том-то и дело!! Ведь вы спешили?

— Ну?

— И не доехали!

— Не доехал, — машинально повторил Подходцев.

— А если спешили, значит, по очень важному делу, а я вас запутал, а благодаря мне вы не попали в это место...

— А ведь в самом деле, я и забыл...

— Что ж теперь будет?! Может быть, вы еще успеете?

— Кой черт! Эта собака уже ушла из дому.

— Никогда не прощу себе этого... Дело спешное?

— Очень. Нужно было перехватить у Харченки пятьдесят рублей для квартиры и прочего. Ну, да черт с ним, выкручусь!

— Как же вы выкрутитесь?

— У меня светлая голова на этот счет. Да вот слышите? Кто-то бежит по

лестнице... В этом этаже больше никого нет, значит — ко мне; спешит — значит, я ему нужен. А раз я ему нужен, он должен ссудить меня пятьюдесятью рублями. Я так прямо и скажу ему...

Дверь с треском распахнулась, и странный гость влетел в комнату, до того странный, что оба — и Подходцев, и Громов — инстинктивно поднялись со своих мест и придвинулись ближе друг к другу...

Это был молодой человек довольно грузного вида, с черными, коротко остриженными волосами и лицом в обыкновенное время смуглым, но теперь таким бледным, что черные блестящие глаза казались на фоне этого лица двумя маслинами в куске сливочного масла.

Но не это поразило двух новых приятелей. Поразил их костюм незнакомца... На ногах его, лишенных брюк, красовалось голубенькое щегольское трико, жилет отсутствовал совсем, а пиджак чудесным образом переместился с плеч владельца на одну из его рук, которая ходила ходуном от ужаса.

Отсутствие воротничка и галстука даже в слабой степени не могла заменить большая японская ваза, которую незнакомец держал в другой руке с явно выраженной целью самозащиты...

Увидев двух молодых людей, окаменевших от удивления, новоприбывший, задыхаясь, опустился на кровать и прохрипел:

— Затворите дверь! На ключ.

Подходцев поспешил исполнить его желание, потом уселся верхом на стул, вперил свой спокойный взор в нового гостя и любезно сказал:

— Не хотите ли чего-нибудь закусить?

— Спасибо... Я уже тово... ел. Нельзя ли полстакана вина?

— Пожалуйста... Эта ваза вас, кажется, стесняет? Поставьте ее сюда. Ну, как вам нравится моя квартирка?

— Ничего, — пробормотал незнакомец, колотясь зубами о край стакана. — Нич... чего себе... У... уд... добна.

— Да, знаете. Теперь хорошую квартиру так трудно найти, — любезно заметил Подходцев, изнемогавший от приступа деликатности и упорно не замечавший более чем легкого костюма нового гостя.

— Вам не дует из окна? — участливо спросил Громов.

— Н... ничего. Я немного посижу и пойду себе... домой.

— Ну, куда вам спешить, — радушно воскликнул Подходцев. — Только что пришли и сейчас же уходить. Посидите!

— Я к вам зашел совершенно случайно...

— Помилуйте! Мы очень польщены... Позвольте, я вам помогу надеть пиджак на руки.

И едва новоприбывший надел с помощью Подходцева пиджак, как половина самообладания (вероятно верхняя, если расчленить самообладание по частям костюма) вернулась к нему.

— А мы ведь не знакомы, — сказал он.

Встал и расшаркался.

Глава 4

Легкомысленный Клинков

— Позвольте представиться: Клинков.